

УДК 9(47)

Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX в.

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются методы инкорпорации в экономическое, административное и социокультурное пространство империи нерусского населения сопредельных территорий России, отмечается гибкость и поливариантность окраинной политики самодержавия.

Ключевые слова: Российская империя, окраины, нерусские народы, методы инкорпорации.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Оценка места Сибири в составе Российской империи не может быть однозначной. На протяжении всей истории досоветской Сибири наблюдается процесс эволюции этой колониальной окраины в периферийную составную часть Российского государства. Можно говорить как минимум о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах [6]. Характеризуя начальный этап инкорпорации, некоторые современные исследователи считают возможным отказаться от употребления идеологизированных определений «завоевание», «покорение», «вхождение», «присоединение», а само продвижение русских в Сибирь рассматривать как продолжение процесса «собирания» земель и закономерного укрепления границ национального государства [1, с. 90–91].

В исторической литературе территориальное расширение России обычно трактуется как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колониационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с кон-

ституцией США, не считались гражданами государства [1, с. 48–102]. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с запада на восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака [3]. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Северо-Американском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских стран – Канады, Австралии, Алжира и др. – наметилась еще в XIX в. В связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали резко возрос интерес иностранцев к Сибири, где они надеялись найти выгодное приложение своим капиталам. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона, французского экономиста К. Оланьона, американца Р. Глейнера и др. [7], в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады. Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции или Канада и Австралия для Англии. Могучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям Северной Азии. В силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских. В Сибири, как и в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые

жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы Крайнего Севера, где и вымирали [9]. Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество как одна из форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX – начала XX в. характерно не только для Сибири. Определенные его проявления можно наблюдать и в других регионах России, например на Дону [19; 20]. Однако именно за Уралом в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи областничество получило наибольшее развитие. Одним из основных доказательств областников пагубного влияния русской цивилизации на народы Сибири был тезис о вымирании аборигенов. Но статистические материалы опровергают это утверждение. За 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза; якутов – в 7,9; алтае-саянских народов – в 6,5; татар – в 3,1; хантов и манси – в 1,5 раза [8]. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, ненцев не выросла, а наоборот – уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей. По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. количество инородцев, признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: в Тобольской – 3,4 %; Томской – 22; Енисейской – 10,6; Иркутской – 12,2; Забайкальской – 13,3; Якутской – 0,1 % [9]. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием [4]. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ясака и хлеба. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия адми-

нистрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и распространение оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и их социокультурную инкорпорацию в составе империи, а в конечном итоге – превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледелцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского инородца не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям Сибири традиционно предписывалось обратиться на него особенное внимание [11; 12; 17]. В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Несмотря на зигзаги в аграрной политике империи в Сибири, на всех этапах ее разработки и проведения присутствовал «инородческий» вопрос. Его место в аграрном законодательстве определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у инородцев с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграции с русским крестьянским населением региона. Компаративный анализ аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизируемых районах страны – Башкирии, Казахстана, Туркестана и др. – позволяют сделать вывод о том, что для всех этих окраинных территорий характерна сословная неполноправность инородцев в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и выработки новых контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с коренным русским населением государства.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенов, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни аборигенов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Во многих местах возникали инородческие поселения по русскому типу, некоторые из них не отличались от русских селений, другие представляли собой переходный тип. С середины XIX в. все большее распространение получают стационарные деревянные юрты, а с конца XIX столетия – зажиточные ино-

родцы стали обзаводиться просторными деревянными домами, бытовая обстановка которых не отличалась от обстановки русских крестьян. В таких домах ставилась глинобитная русская печь, служащая для обогрева жилья и выпечки хлеба. Кроме русской, обязательно присутствовала небольшая печурка для установки котла, в котором готовилась пища. Это была дань древнему обычаю – готовить пищу и напитки в чугунных котлах. В некоторых домах появились умывальники. Дома внутри не белили, пол не красили. Периодически, по примеру русских крестьян, пол тщательно мыли теплой водой и терли песком. Вместе с домами русского типа появились и русские надворные постройки: амбары, сараи, ворота, заборы, сени, бани – вначале «черные», а потом и «белые».

Традиционная одежда кочевника из кожи уступила место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. У татар, бурят, хакасов, якутов летняя одежда мужчин нередко состояла из русской рубахи навыпуск и шаровар, женщины же носили ситцевое платье, покрой которого заимствовали у русских [2]. Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное «обрусение инородцев» на практике было экономически обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

За всеми этими переменами последовали и принципиальные изменения в ясачной политике. Со времени прихода русских в Сибирь уплата туземцами ясака рассматривалась правительством как выражение даннических отношений аборигенов к русскому царю. По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, их адаптации к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым, религиозным и иным традициям на них стали распространяться и иные податные обязанности. Тем не менее на протяжении XVII и всего XIX в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли. В России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие инородцы Сибири, кочевые инородцы Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин империи – например, кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин романовской империи наряду с национальным гнетом испытывало на себе архаичные способы эксплуатации.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских инородцев была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди инородцев.

Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению окраинам государства от колониальных империй Запада.

На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочнение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение православной церкви сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было 5 епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравнению» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских инородцев следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных инородцев, мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным инородцам льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной. В этом смысле важным этапом в продвижении православной веры среди окраинных инородцев стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При афишируемом покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 90-х гг. в его рядах состояло около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1,3 млн руб. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы. Это предопределило переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным. На основе сопоставления церковной политики империи Сибири с многонациональными районами Поволжья, Приуралья и другими можно прийти к выводу об идентичности основных устоев этой политики. В то же время в ряде случаев государственная политика в церковных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, что свидетельствовало о способности самодержавного государства к лавированию, стремлении найти оптимальные, с

точки зрения имперских интересов, способы решения возникающих вопросов [5, с. 138–163].

Одним из ярких проявлений имперской политики в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX в. стал вопрос о привлечении сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности. В соответствии с «Уставом об управлении инородцев» народы Сибири освобождались от военной службы. Однако в конце XIX в. правильность этого положения оказалась под сомнением. Сторонники привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности исходили из тезиса о том, что эта льгота подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении вещей русские крестьяне, отбывающие воинскую повинность, никакого преимущества перед аборигенами не ощущают, а у инородцев складывалось неверное представление о мощи великой России. Следовало положить решительный конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс в отношении их держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках.

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует учитывать, что, провозгласив курс на полное слияние народов Сибири с русским крестьянским населением, правительство в данном вопросе проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутривнутриполитического порядка. Об этом прямо заявил начальник генерального штаба русской армии А. Е. Генгрос. По его мнению, опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость расформировывать туземные войска, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание. Не случайно именно в это время в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения забайкальских бурят во внутренние губернии империи, которые в назревающей войне с Японией рассматривались как потенциальные союзники желтой расы.

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к воинской службе возникли в связи с введением «Устава о воинской повинности» 11 января 1874 г. Но тогда военный министр Д. А. Милютин выступил против проектируемых мер, признав их преждевременными. Тем не менее Милютин признавал принципиальную важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири. Идея привлечения аборигенов к воинской службе, по мнению министра, имела и политический аспект как объединяющее и цивилизующее начало. Таким образом, в основе возникшего замысла лежали не военные, а чисто политические мотивы [5, с. 112–120].

Первые попытки проникновения русских в Сибирь носили откровенно меркантильный характер. Этими же соображениями правительство руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края, основную задачу которых московские цари видели в уплате ясака натурой. Именно финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Первые правительственные указы

требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Однако интересы Российского государства определялись не только чисто экономическими, но и политическими соображениями, связанными, прежде всего, с потребностями укрепления позиций российской государственности на востоке. Периферийная и практически никем не обжитая Сибирь оказалась на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств Центральной Азии. В решении стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством московские, а затем и петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, – аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. Они не создавали у русского сибиряка состояние психологически-национального одиночества и дискомфорта. Именно поэтому в Сибири русская и аборигенная цивилизации не просто существовали и развивались параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за рубежом или за границей и домой в «Расею» вовсе не стремился, а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины [15]. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII–XIX вв. Несмотря на имевшие место изменения, на протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи, каждый из этих народов принес в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Бездумный мгновенный слом этого «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутривнутриполитическим интересам Российского государства. Более того, он мог вызвать нежелательные политические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и нежелательные внешнеполитические обстоятельства, связанные с соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Важно отметить еще один момент. Если на западных национальных окраинах империи (Польша, Финляндия) создаваемая правовая система могла в известной степени опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах государства правовая система регуляции народов, находившихся на стадии родового строя, должна была быть иной. Именно поэтому империя на первых порах не только не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления,

но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Таким образом, законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те юридические системы, которые приносили с собой новые земли и народы.

Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые модели будущей административной интеграции сибирских аборигенов в общероссийскую государственную систему в виде указов графа С. Л. Владиславича-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. и сенатской инструкции, данной за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г. Обе инструкции ограничивали вмешательство русской администрации во внутриродовые дела народов Сибири, предоставляли значительную самостоятельность родовым властям. В то же время в этих документах прослеживается стремление правительства в своих действиях опереться на родоплеменную знать, а деятельность традиционных институтов самоуправления иноверцев подчинить интересам государства. Впоследствии по мере усиления инкорпорации народов Сибири в систему общероссийских государственных, экономических и иных связей эти тенденции в административной политике империи в Сибири сохраняются. В интеграционной схеме «Россия – Сибирь» имперский механизм властного освоения вновь присоединенных территорий стал складываться со времени Петра Великого. С этого момента можно отчетливо наблюдать первенствующее значение методов управленческой колонизации над военно-мобилизационными. Однако динамика этого процесса не совпадала с общероссийской [16]. Не случайно наиболее заметной его гранью стал не 1861, а 1822 г., когда было принято знаменитое «сибирское учреждение», ярко воплотившее в себе черты имперского регионализма. Органической его частью был «Устав об управлении инородцев», законодательный акт, действовавший без существенных изменений вплоть до конца XIX в. Важно подчеркнуть, что устав предусматривал «приравнение» части инородцев к сословию русских государственных крестьян во всех отношениях, кроме отбывания рекрутской повинности.

Однако во второй половине XIX столетия принципы регионализма, заложенные Сперанским в уставы и положения 1822 г., оказались под сомнением. На первенствующее место все явственнее выступает задача сделать азиатские окраины России русскими, т. е. принципиально изменить геополитическую ситуацию на востоке. Знаменитая мифологема М. В. Ломоносова о том, что могущество российское прирастать будет Сибирью, приобрела ярко выраженный имперский характер. В эту идеологию вполне вписывался, бесспорно, имперский по своей сути закон от 8 июля 1898 г., вводивший в Сибири институт крестьянских и инородческих начальников [13]. Этот закон в своей основе имел известное положение от 12 июля 1889 г. о земских начальниках Европейской России, однако права крестьянских начальников в отношении контроля за управлением инородцев по сравнению с правами земских начальников в отношении крестьян были существенно расширены. По сути дела, крестьянский начальник становился полным хо-

зияном в инородческой волости. В целом закон 1898 г. по-своему отразил изменения в характеристике социально-экономического развития народов Сибири, связанные с разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений. Реформа 1898 г. способствовала замене старых единиц управления, основанных на родовом принципе, территориальными административными единицами. В то же время административные преобразования были направлены на усиление имперской полицейской опеки над аборигенами, их скорейшее «слияние» с русским населением. Реформа, проводившаяся бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла ясно видимые имперские черты.

Тенденция к усилению полицейской опеки над органами управления аборигенов проявляется сильнее по мере роста общественного движения в стране и в Сибири. Данной цели, наряду с иными мероприятиями, служило введение паспортной системы у коренного населения, имевшее несомненное значение как средство контроля за передвижением коренных жителей. Решение по этому вопросу было принято в июне 1897 г. Оно предусматривало создание специальной комиссии из представителей Министерства внутренних дел, Министерства земледелия и государственных имуществ для предварительной разработки законопроекта. В работе комиссии наиболее активную роль играл будущий министр внутренних дел В. К. Плеве, настоявший на том, чтобы подчинить всех без исключения аборигенов действию паспортного режима. Необходимость введения паспортов у коренного населения обосновывалась требованием упразднения поразрядной системы, усилением опеки и надзора за органами самоуправления коренных народов. Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. У оседлых «местом постоянного проживания» считались общество или волость, к которой они приписаны, у кочевников – район перекочевков. Все инородцы обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми или иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или инородческого начальника, ответственного за поступление податных сборов. Таким образом, под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации [14; 18].

Введение паспортной системы находилось в полном соответствии с общим правительственным курсом в отношении народов Сибири в этот период, основным содержанием которого явились ликвидация сословной обособленности инородцев, приравнивание их к русским крестьянам. В экономическом плане новая мера была связана с развитием капитализма, сопровождавшимся значительным ростом наемного труда. Этот процесс охватил значительную часть коренного населения сибирских губерний, для которого работа по найму становилась основным источником существования.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» правительство окончательно пришло к мысли о необходимости реорганизации системы не только местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Эти преобразования, с точки зрения правительства, были взаимосвязанными. Осуществление поставленных задач полного слияния народов Сибири с русским крестьянским населением постоянно упиралось на необходимость упразднения поразрядной системы и причисления аборигенов к разряду оседлых. Согласно «Уставу» 1822 г. такое причисление могло осуществляться только во время переписи и с согласия самих аборигенов. Поэтому власти постоянно сталкивались с противоположностью желаемых и реальных результатов этого процесса. Введение института крестьянских начальников означало полное подчинение органов самоуправления аборигенами этим чиновникам, но не упраздняло деления инородцев на разряды. Именно поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал поразрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства, требующее немедленного упразднения. Практическим результатом этого решения стала разработка проектов волостной административной реформы, осуществленная в Министерстве внутренних дел накануне первой русской революции. Реализация принятых решений началась после 1907 г. Обеспокоенное активным участием народов Сибири в революционных событиях 1905–1907 гг., правительство стремилось усилить бюрократический аппарат управления аборигенами, не допускать революционного рецидива в «инородческой среде». Первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако, поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую реформу управления откровенно насильственными методами, вне всякой связи с землеустройством.

Таким образом, в имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию прямого колониального правления к системе управления, основанной по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М. М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия инородцев как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Поэтому русскую колонизацию Сибири можно рассматривать не только как одну из форм имперского строительства, но и как интеграцию аборигенов в общероссийские национальные процессы.

Список литературы

1. *Агеев А. Д.* Сибирь и Американский Запад: движение фронтов / А. Д. Агеев. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 295 с.
2. *Андреев Ч. Г.* Коренные народы Восточной Сибири во II половине – XIX начале XX века / Ч. Г. Андреев. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2001. – 287 с.
3. *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников / П. Н. Буцинский. – Харьков : Тип. губерн. правления 1889. – 351 с.
4. *Дамешек И. Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Отгиск, 2002. – 208 с.
5. *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 165 с.
6. *Дамешек Л. М.* Интеграция Сибири в Россию как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2003. – С. 6–10.
7. *Дамешек Л. М.* Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 84 с.
8. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной строй народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – М. : АН СССР, 1960. – 621 с.
9. *Оланьон К.* Сибирь и ее экономическая будущность / К. Оланьон. – СПб. : Просвещение, 1903. – 253 с.
10. *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев : в 3 т. / С. Патканов. – СПб., 1912. – Т. 1 : Сводные таблицы и краткие выводы. – 185 с.
11. Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 2. № 1199.
12. ПСЗ-2. Т. 2. № 1611.
13. ПСЗ-3. Т. 18. № 15503.
14. ПСЗ-3. Т. 18. № 15606.
15. *Фронт в истории Сибири и Северной Америки XVII–XX вв.: общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский.* – Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2001. – 116 с.
16. *Ремнев А. В.* К вопросу о периодизации административной политики самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. – Новосибирск, 1999. – С. 36–42.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 468. Оп. 9. Д. 898.
18. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1.
19. *Сватиков Г. С.* Общественное движение в России (1700–1895) / Г. С. Сватиков. – Ростов н/Д : Изд. Н. Парамонова, тип. «Донская Русь», 1905. – 203 с.
20. *Сватиков Г. С.* Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.) / Г. С. Сватиков. – Прага : Изд. общества сибиряков в ЧСР, 1929. – 120 с.

Suburban Policy of the Russian Empire and Methods of Incorporation of the Indigenous People of the Neighbouring Territories of Russia in the XVIIIth – the early XXth Century

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author considers the methods of incorporation of the indigenous people of neighbouring territories of Russia in economic, administrative, social and cultural space. Adjustability and polivariety of suburban policy of autocratical government are observed.

Keywords: Russian Empire, Non-Russian peoples, methods of incorporation.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России,
исторический факультет*

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952)24-05-22

e-mail: levdameshek@gmail.com

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Head,
Department of History of Russia
Historical Faculty*

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)24-05-22

e-mail: levdameshek@gmail.com